

Марк Агатов

История крымчаков Евпатории

Марк Агатов

История крымчаков Евпатории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18151557

ISBN 9785447467661

Аннотация

Я умею придумывать детективы, докапываться до истины и ввязываться в драку с сильными мира сего, но как разобраться в том, что произошло сто лет назад? Как узнать правду из рассказов и воспоминаний пожилых людей и древних стариков? Людская память – штука коварная. Можно забыть о чем-то важном и навсегда запомнить цвет глаз никчемного бродяги. И мы никогда не узнаем, почему запомнились глаза этого человека, а не тысяч других.

Содержание

Пусть у книги будет своя судьба	5
Евпаторийская слободка	8
Смотритель маяка – дядя Сережа	11
«Морской трамвай»	14
Воспоминание о будущем	16
«Четыре класса и один коридор»	21
А теперь вернемся в довоенную Евпаторию	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

История крымчаков Евпатории

Марк Агатов

Редактор М. Ильин

Иллюстратор Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2018

© Марк Агатов, иллюстрации, 2018

© Марк Агатов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-6766-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусть у книги будет своя судьба

Я совершенно убежден, что именно в этот момент, когда вы держите в руках эту книгу, а затем открываете ее первую страницу, вы – в качестве читателя – создаете книжную судьбу. Недаром кто-то из великих сказал, что у каждой книги – своя судьба.

Я много лет знаком с писателем и журналистом Марком Агатовым. Уже его первые газетные публикации привлекали смелостью и нетривиальностью суждений, острой манерой, ясностью позиции. Как это ни парадоксально, но именно эти, на мой взгляд, сильные стороны журналистского дарования Агатова, в творческой тусовке вызывали определенную настороженность. Ну, а когда появились итоги его расследований под обложкой довольно толстых книг, всем стало понятно – на крымском уровне именно Агатов стал основным разработчиком этого небезопасного жанра. А это уже принесло автору профессиональное уважение коллег. Конечно же, не всех, а лишь тех, кто был способен отличить привычную «заказуху» от непривычного стремления докопаться до самой сути.

Новая книга Марка, как мне показалось, стала для него неким промежуточным итогом большого куска его жизни. Может, поэтому на этих страницах больше теплоты и грусти нежели яростной отваги и злости. Заметьте, я сказал о про-

межуточном итоге, а это значит, что впереди у Марка Агатовы новые книги, а у нас – новые открытия.

Ну, а у этой книги пусть будет счастливая судьба!

Григорий ИОФФЕ,

депутат Верховного Совета Автономной Республики Крым,

Заслуженный журналист Украины.

Вместо предисловия

Лет сорок назад в Евпаторию приезжали два пожилых крымчака. Им было за пятьдесят, и они мне казались тогда ужасно старыми. Мужчины говорили с моим отцом на родном языке. Слушали крымчакские песни, которые пел отец, сидя за швейной машинкой. А потом обратились ко мне и предложили написать книгу о расстрелянном народе. В то время я делал первые шаги в журналистике и очень гордился своими заметками, опубликованными в городской газете. Старики оставили мне копии статей о крымчаках, письма, воспоминания, но книгу об истории моего народа я написать не смог. Был слишком молод для такой работы.

И вот прошло сорок лет. Теперь и я в глазах молодых такой же старый крымчак, как мои давние знакомые. Я отложил в сторону недописанные детективы и занялся сбором материала о жизни и смерти, о героях и предателях... Но это не будет историей народа, потому, что я не историк. Я всего лишь писатель, журналист. Я умею придумывать детективы,

докапываться до истины и ввязываться в драку с сильными мира сего, но как разобраться в том, что произошло сто лет назад? Как узнать правду из рассказов и воспоминаний пожилых людей и древних стариков? Людская память – штука коварная. Можно забыть о чем-то важном и навсегда запомнить цвет глаз никчемного бродяги. И мы никогда не узнаем, почему запомнились глаза этого человека, а не тысяч других.

Так что пишу я не историю города и евпаторийских крымчаков, а пересказываю то, что осталось в людской памяти о прошлой жизни.

Евпаторийская слободка

Первые семь лет своей жизни я прожил на евпаторийской слободке во времянке на Среднем переулке, 4. Это был особый мир, мир общих дворов, жестокий и открытый настежь. Здесь уважали силу и умение постоять за себя в уличной драке. Даже мы, дошкольная мелкота, подражая взрослым, квасили друг другу носы, пытаясь доказать свою исключительность. В городе «слободских» боялись и старались с ними не связываться.

В 1957-м я должен был идти в первый класс. Однажды на семейном совете услышал слова отца. Он сообщил бабушке, что ни за что не отдаст сына учиться в «слободскую школу».

– Оттуда выходят уголовники и шалопаи, – говорил папа. – А я хочу, чтоб мой сын получил нормальное образование и стал порядочным человеком.

Бабушке этот разговор не нравился, потому что в нашей семье был один шалопай, сводный брат моей мамы – дядя Миша. Он был вспыльчив и драчлив. Невысокий, плотный, необычной силы, с накаченной борцовской шеей дядя Миша никогда не прощал подлости. В глазах мальчишек он был на-

стоящим героем. К нему обращались за помощью не только его друзья, но и вполне добропорядочные соседи. Запомнился мне его хриплый прокуренный голос и песни про «Ванинский порт», злодейку судьбу и погибающего в тюрьме бродягу...

С годами он остепенился и стал весьма уважаемым человеком, но когда мы собирались вместе за праздничным столом, по просьбе зрителей Михаил Яковлевич исполнял песни из своей ранней юности.

После одной из «длительных командировок», так дядя Миша называл свое долгое отсутствие в родном городе, он надумал жениться. Свадьбу сыграли на слободке в нашем дворе весело и щедро. Оркестр на ней заменили самодеятельные музыканты – крымчаки. Они били в традиционный бубен и наигрывали популярные на свадьбах мелодии. Среди гостей евпаторийские крымчаки были самыми веселыми и заводными, дурачась, они выстраивали перед фотографом удивительные композиции. Застывшие навсегда в семейных фотоальбомах мгновения той далекой свадьбы лучше всяких слов могут рассказать о характере и темпераменте крымчаков. После страшной войны, после массовых расстрелов, люди не сломались, не ушли в депрессию и на свадьбе дяди Миши показали, что наш народ еще жив и умеет веселиться и радоваться чужому счастью.

Но вернемся в пятьдесят седьмой год.

Не знаю уж, как, но отцу все же удалось поменять квартиру. Наше новое жилье было ничем не лучше прежнего. Квартира оказалась такой же тесной и маленькой. Единственным ее достоинством было то, что располагалась она в одноэтажном доме по улице Приморской в двух кварталах от моря. Во время зимнего шторма до нас долетал рокот волн. Мама говорила, что на этой улице мы дышим чистейшим морским воздухом. Отцу тоже нравилась близость моря, но главным для него было то, что после переезда я смог поступить в среднюю школу №10.

– Ты будешь учиться в той самой школе, где в прошлые годы была мужская гимназия, и получил образование самый знаменитый крымчак – известный советский поэт Илья Сельвинский, – говорил он, сидя за швейной машинкой «Зингер».

Мой отец хорошо разбирался в истории, любил читать книги. Вечерами я устраивался рядом с ним на кухне и слушал его рассказы о нашем городе, крымчаках и недавней войне. А еще, под непрерывный рокот немецкого «Зингера», он пел на родном языке, как мне тогда казалось, очень грустные крымчакские песни.

Смотритель маяка – дядя Сережа

По соседству с нами жил старый маячник дядя Сережа. Роста он был невысокого, и от него всегда пахло морем и рыбой. Я дружил с его сыном Сергеем Добжинским, и это давало мне огромные преимущества перед сверстниками.

Дело в том, что дядя Сережа любил возиться с пацанвой. Приводил нас на маяк, брал с собой в море. Учил плавать, грести веслами и страшно ругался, если начинающие мореходы подставляли шлюпку бортом к волне.

– Правым табань! – кричал он громко и зло. – Дистрофики, шлюпку перевернете. Кто так гребет!

Мы налегали на весла и до кровавых мозолей на ладонях, выгребали против волны. Дядя Сережа привил нам не только любовь к морю, но и научил уважать стихию, невзирая ни на что, бороться до последнего, спасая казенную шлюпку и свою жизнь. А еще у дяди Сережи была моторка «Галс». Мы вдвоем с его сыном гоняли на ней по заливу, и однажды, поздней осенью, когда в двух милях от берега у нее заглох мотор, и на море начался шторм, часа два гребли на веслах к маяку. Не знаю уж, почему, но нашего бедственного положения никто не заметил и не пришел на помощь. Мы выби-

вались из сил, но не бросали весел.

– Раз, два, три, – сквозь шум ветра, орали мы по очереди, стараясь попадать в такт веслами. Наконец, увидели причал. Волна здесь уже была поменьше, и «Галс» с трудом, но все же смог причалить к берегу недалеко от маяка.

На следующий день в школе мы ходили героями, демонстрируя всем кровавые мозоли и живописуя героическую борьбу со стихией.

Почти полвека прошло с тех давних дней. Дядю Сережу Добжинского, наверное, уже никто и не вспомнит. Навсегда покинул родной город его сын Сергей. И вроде бы ничего не добился в своей жизни мой скромный сосед. О нем не писали газеты, а я не смог сделать из него «героя детектива», как это произошло с доброй сотней моих знакомых. Старик-маячник просто не вписался ни в один сюжет, и только сегодня, вспоминая старую Евпаторию, вместе с исчезнувшими под водой пляжами, я увидел на горизонте в бушующем море старую моторку «Галс» и двух пацанов, отчаянно цепляющихся за жизнь, и вспомнил слова старого маячника: «Правым табань, правым! Кто так гребет! Шлюпку перевернете!»

Дядя Сережа исчез из нашего мира так же незаметно, как

уходят из этого города тысячи моих земляков: без некрологов в газете, без лживых слов у могилы, но он жил в Евпатории, маленький, незаметный маячник, и о нем должны помнить, потому что это был и его город.

А еще мне запомнился прекрасный песчаный пляж у маяка и перевернутые кверху дном огромные многовесельные шлюпки. Там можно было спрятаться от дождя, играть в войну и придумывать жуткие пиратские истории.

«Морской трамвай»

В середине пятидесятых в будние летние дни всей семьей вечерами мы ходили купаться на городской пляж. Располагался он в районе нынешнего сквера имени Караева. Это был большой песчаный пляж с навесами от солнца и чистейшим морем. Помнится, что и киношники выбрали этот пляж для съемок самого знаменитого фильма о Евпатории «До свидания, мальчики!».

Старожилы еще не забыли и то, как от причала нынешнего сквера имени Караева летом каждые десять – пятнадцать минут отходили катера к «Новому пляжу». Билет в один конец стоил десять копеек, и эти «сойки» и «голуби» вполне можно было воспринимать в качестве «морского трамвая». В то время настоящая трамвайная линия заканчивалась на Пересыпи, и дальше, до «Нового пляжа», надо было шлепать пешком, поэтому морской транспорт пользовался у горожан повышенным спросом.

На «Новый пляж» по выходным евпаторийцы отправлялись целыми семьями на весь день, а чтобы не обгореть на солнце, брали с собой палки и белые простыни. К полудню весь пляж покрывался самодельными навесами. Торговых точек на пляже было немного, поэтому еду курортники

и местные возили с собой из города. К вечеру у единственного причала на «Новом пляже» собиралась огромная очередь. Разморенная на солнце публика занимала места на открытых палубах прогулочных катеров и, с чувством исполненного долга, отправлялась в город до следующих выходных.

Воспоминание о будущем

Все лучшее в детстве, о чем вспоминается сегодня, для меня было связано с летними каникулами, но вот приходила осень с ее северо-восточным ветром и холодными ливнями и как-то незаметно заканчивался праздник души в моей родной Евпатории и начинались школьные будни. Частенько после школьных уроков я приходил на причал в сквере имени Караева, подходил к самому краю и усаживался на деревянный настил. Впереди до самого горизонта простиралось бесконечное синее море, а внизу под ногами у края причала плескалась рыба, степенно перемещались, лениво шевеля щупальцами, огромные синие медузы. Сидеть на краю было немножко жутко, но я, как и все евпаторийские мальчишки, хорошо плавал и совсем не боялся обитателей морских глубин.

Рядом со мной стоял портфель с учебниками, дневником и тетрадками. Надо было идти домой, а я сидел и мечтал о будущем, о том, как внезапно расстанусь с детством, и мне не нужно будет ходить в школу, потому что я стану капитаном дальнего плавания или штурманом, ну, на худой конец боцманом на океанском пароходе. А мой родной город – превратится в сплошной вечнозеленый парк, и мы будем жить при коммунизме. Что такое коммунизм, я представлял смут-

но, но в споре с одноклассниками весьма убедительно говорил, что при коммунизме в каждом доме будет вдоволь белого хлеба, мандаринов и шоколадных конфет.

Теперь я улыбаюсь, потому что так и не дожил до коммунизма. Да и в то время ни о каких мандаринах и шоколадных конфетах «партийные кассандры» в своих докладах не вспоминали. Это была моя личная добавка к слову «коммунизм», и родилась она не на пустом месте. Мандарины и апельсины в нашем доме появлялись вместе с посылкой из Сухуми. Там жили папины родственники – несколько крымчакских семей, покинувших Крым во время и после войны. Они приезжали к нам в гости на большом белом пароходе, говорили с отцом на родном языке и вскоре уезжали, оставив после себя долго не выветривавшийся из квартиры чудесный мандариновый запах.

Несколько раз и мы отправлялись по морю на Кавказ. Вначале останавливались в Новороссийске, потом в Поты, и завершалось наше путешествие в столице Абхазии Сухуми. Когда я бывал в Сухуми, то всегда удивлялся, что держит там мою троюродную сестру Симу и ее детей, перебравшихся на Кавказ уже после войны из Евпатории. До их отъезда мы жили вместе в одном дворе на Слободке. В Сухуми они поселились в пригородном поселке, расположенном на берегу моря. Вот только пляж, в отличие от евпаторийского,

там был галечный, а не песчаный. Загорать на камнях было неудобно и неприятно. Не нравился мне и весьма странный обычай местных аборигенов: прямо с берега выливать по утрам помой в море. Когда я спросил одного из загрязнителей природы, не противно ли ему потом купаться в помоях, он широко улыбнулся и сказал: «Кацо, ты ничего не понимаешь. Вся эта грязь уплывет в Турцию и через час вода у берега будет, как слеза, а делаем мы так, потому, что в домах нет канализации».

Не знаю, насколько сильным было там течение у берега и как быстро самоочищалась вода от грязи, но купаться в море мне что-то расхотелось. В Евпатории Каламитский залив в то время был намного чище и лучше.

– Не так-то здесь и плохо, как тебе показалось с дороги, – проговорила моя сестра, выслушав рассказ о встрече с ее соседом у моря. – Люди здесь живут по своим законам и обычаям. Надо принимать все как есть. В конце концов, не они к нам приехали, а мы к ним.

Забрав гостей, она повела всех в знаменитый на весь мир Сухумский ботанический сад. Таких растений в Крыму я никогда не видел и готов был гулять по его аллеям целый день. Но там мы долго не задержались, потому что вторым экскурсионным объектом был сухумский обезьяний питомник. По-

смотреть на то, как живут в огромных вольерах мартышки и гориллы, туристы приезжали со всего Советского Союза.

Домой мы вернулись к ужину. Хозяйка приготовила традиционные крымчакские блюда. Взрослые пили знаменитые грузинские вина, поднимали тосты за здоровье гостей и хозяев. А когда застолье подошло к концу, мой отец сказал: «Сухуми город хороший, но крымчакам надо возвращаться на свою Родину. И как бы о вас хорошо ни говорили соседи – вы здесь все равно остаетесь чужими людьми».

Сима не возражала. На чужой земле ее семье жить было непросто. А когда мы уезжали домой, отец, стоя на палубе парохода, сказал с горечью: «Они сделали большую ошибку, уехав на Кавказ».

В то время мне трудно было понять, почему отец пришел к такому выводу. В стране тогда официально пресекали деятельность националистов, и все мы были гражданами одного государства – Советского Союза. Трагедией же для сухумских крымчаков стал распад великой страны.

В начале девяностых годов разразилась война между Абхазией и Грузией. очевидцы говорят, что первыми от взрывов и выстрелов пострадали тогда сухумский обезьяний питомник и ботанический сад. Часть деревьев была уничтоже-

на, а обезьяны разбежались по окрестным лесам.

Боевые действия кровавым катком прошли и по жителям Сухуми. Пропали без вести и наши дальние родственники. Где они сейчас, живы ли – никто не знает. Ни одного письма с того времени мы так и не получили. И только в домашних альбомах остались фотографии сухумских крымчаков, роскошного ботанического сада и пустынного галечного пляжа теперь уже независимой от грузин Абхазии.

«Четыре класса и один коридор»

Дядя Дима был человеком из моего детства. В начале пятидесятых годов он приходил в гости к отцу, и они говорили громко и шумно на родном языке. Из этого разговора я понимал лишь отдельные слова. В нашей семье языком «межнационального» общения был русский, и меня специально никто не учил крымчакскому языку. Зато отец легко находил общий язык с караимами, турками и крымскими татарами. Он свободно переводил на русский язык турецкие песни, которые в Евпатории можно было слушать по радиоприемнику на средних волнах, хотя иностранным языкам не учился, а на вопрос, какое у него образование, отвечал с улыбкой: «Четыре класса и один коридор».

Однажды я был свидетелем, как он разговаривал на греческом языке с двумя стариками. Причем говорил быстро, не запинаясь, не раздумывая и не подбирая слов. Потом мужчины ушли, и я спросил: «Так ты еще и греческий знаешь?».

– Это же крымские греки. Они тут до войны жили, – пояснил отец, – а я в детстве своему отцу в кофейне помогал. Пришлось выучить греческий. Греки в кофейне по-русски не говорили.

– Они не знали русский язык?

– На русском языке мы говорили только с русскими, – пояснил отец, – а между собой на татарском, крымчакском, караимском, греческом. Так было проще и быстрее понять друг-друга. Думал-то я на крымчакском, а потом в уме переводил предложение на русский язык.

Пока дядя Дима разговаривал с отцом, мама ставила в печь кубетэ. Готовить это блюдо ее научил отец, и кубетэ у нее получалось не хуже, чем у настоящих крымчачек.

Дядя Дима выставлял на стол бутылку крымского вина, отец откладывал в сторону недошитые брюки, и в доме начинался настоящий праздник.

Мы сидим на кухне в утопающем в зелени доме на улице Токарева, 9. Напротив меня – хозяин квартиры 85-летний Давид Абрамович Вейнберг. Журналисты называли его человеком удивительной судьбы, и последним крымчаком Евпатории, который свободно говорит на родном языке и знает крымчакские песни, пословицы, поговорки. И в этом не было преувеличений. Лет двадцать назад он мог в Евпатории еще найти себе собеседника, с которым можно было бы общаться на родном языке, но сегодня дядя Дима остался единственным, как говорят филологи, носителем крымчакского

языка в городе. Я прошу дядю Диму, а обращаюсь к нему так потому, что он был человеком из моего детства, в котором не было отчеств и фамилий, вспомнить историю нашего города. Рассказать о людях Евпатории, о Великой Отечественной войне, в которой ему пришлось участвовать в сороковых годах прошлого века.

– Я родился в Евпатории, на улице Промышленной, 64, в крымчакском доме Хандо, – неспешно начинает свой рассказ дядя Дима. – Раньше там был центр города. Интернациональная улица до революции называлась Свято-Николаевской. Она выходила на Катык-базар. Был в том районе и толчок (вещевой рынок). А в каменных воротах сидело четверо крымчаков. «Каменными воротами» крымчаки называли развалины крепостных ворот средневекового Гезлева. Они примыкали к стене старого хлебозавода. Там были каменные ниши, и крымчаки превратили их в сапожные лавки. Работал там Ломброзо, мой зять Лазарь Томалак. И на самом толчке было еще несколько крымчакских мастерских.

В начале прошлого века крымчаки работали сапожниками, жестянщиками, портными. Ачкинази держал около каменных ворот большую сапожную мастерскую, там была еще вывеска «Ачкинадзе». Фамилия его была записана на грузинский манер через букву «д», но он был крымчак, и звали его Аркадий. Еще там работали Томалак, Лехно, Мизрахи –

все сапожники.

Дядя Дима перечисляет крымчакские фамилии, о которых уже забыли в Евпатории. Во время оккупации все оставшиеся в городе крымчаки были расстреляны фашистами, и эти фамилии навсегда исчезли из избирательных списков и городских телефонных справочников.

– Ты спрашиваешь, как начинал работу мой отец? – повторяет вопрос Давид Абрамович. – Он каждое утро ходил в кофейню. Кофейня была около каменных ворот. Там располагался заезжий двор Зефира. В кофейню мужчины приходили в пять, шесть утра. Выпивали по чашке кофе. Играли в домино. Там было два комплекта домино. Совершали сделки, договаривались насчет материала. А за кожей сапожники ездили в Одессу. В моде тогда были комнатные тапочки из лосиной кожи. Это была необычная обувь. Курортники увозили их домой в качестве сувениров. Красивые были тапочки. Торговали ими в курортных районах, как только начиналось лето. Весной же сапожники заготавливали материал, и шили целую партию этих тапочек.

Рассказы о постоялом дворе и кофейне я много раз слышал и от своего отца Исаака Марковича Пурим. До революции мой дед Маркус, а я был назван в честь своего деда, держал кофейню и постоялый двор, только не в Евпатории,

а в Карасубазаре. И там тоже мужчины собирались в пять утра пить кофе. Деду Маркусу приходилось вставать в четыре и вместе со своим старшим сыном, а им был мой отец, которого по обычаю, заведенному в крымчакских семьях, называли Борух – первый, они отправлялись на работу. В русский язык это имя, а точнее, кличка Борух, пришла в переводе, как Борис, и все знакомые отца называли – Борисом. А когда он стал взрослым, то к кличке приклеилось отчество, и для многих людей он остался в памяти, как Борис Маркович Пурим. В этой книге ПАМЯТИ буду и я называть своего отца тем именем, к которому он привык и с которым прожил всю свою жизнь. Отец говорил, что Борух-Борис – его второе имя, которое ко многому обязывает крымчака. Объяснение вполне логичное, так как в отсутствии отца он становился старшим в семье и принимал все решения.

А теперь вернемся в довоенную Евпаторию

– Рядом с каменными воротами была аптека, а недалеко от нее – мастерская одеяльщика Бакши, – продолжает свой рассказ Давид Абрамович. – А вот чтобы крымчаки держали аптеку, я не слышал. Я знаю, что у крымчаков в этом районе были свой магазин и крымчакская артель. Там работали портные, они шили рубашки, которые и продавали в этом магазине. Хозяином магазина был Пиастро. Ему принадлежал еще и винный подвал. Этот подвал на Интернациональной улице и сейчас работает. Пиастро эти жили по Крымчакскому переулку. В этом переулке располагался къяал – молитвенный дом крымчаков. Дом этот остался целым после войны. Если идти с Караимской улицы мимо водоразборной колонки, то попадешь в Крымчакский переулок. С правой стороны там был молельный дом крымчаков. В этом дворе и жила семья Пиастро. Ходили крымчаки туда и после революции. Но это уже были не только молитвенный дом, но и школа для взрослых. В основном там женщины-крымчачки учились русскому языку. Мать моя тоже ходила туда учить язык. А вот отец мой знал несколько языков и свободно говорил на русском.

– Как вы оказались в Евпатории? – задаю вопрос Давиду

Абрамовичу.

– Мои родители долгое время жили в Ялте, но потом по какой-то причине оттуда стали выселять крымчаков и евреев. Это было до революции. Мой отец был еще молодой, а дедушка имел в Ялте магазин свой промтоварный. Мне потом через много лет показывали его. Старожилы вспомнили моего отца, когда я с ними завел разговор. Из Ялты они переехали в Евпаторию. Здесь в то время жили симферопольские крымчаки, были и карасубазарские (ныне город Белогорск). До революции в Евпатории проживало примерно 200—300 семей. Не меньше. У каждого из них было очень много детей. Вот у меня как было: брат Лазарь – жестянщик, Яшка работал поваром в санатории Ленина, а сестры в мастерской на Интернациональной улице, около старого банка, в которой делали соломенные американские шляпы. Сырье для них, специальную американскую соломку, доставляли в Евпаторию из Америки. Этим занималась американская благотворительная организация, которая сразу после революции оказывала местным властям помощь по созданию новых рабочих мест. Мать работала в «Промшвее», потом образовались в городе швейные артели. Отец трудился в артели «Коллективист». Младшая сестра училась и работала швеей, потом вышла замуж за симферопольского крымчака.

В Евпатории был крымчакский клуб, располагался он

в старой части города. Был в городе и «татарский клуб» на Интернациональной улице. Приходили туда и крымчаки, и караимы, и люди других национальностей. Вообще, в то время не было национальной розни, как сейчас. Никто особо не выделялся и не стремился жить обособленно от других.

До войны крымчаки были в основном ремесленниками: сапожниками, жестянщиками, шапочниками, одеяльщиками, парикмахерами. Я не знаю ни одного крымчака, чтобы он занимал высокий пост в городе. Но зато свою работу делали хорошо. Твой отец был одним из лучших портных в городе. К нему приезжали шить брюки даже из Симферополя.

С Борисом Пурим я был знаком, когда он еще жил на улице Промышленной. И брата его знал хорошо, Александра Пурим. Ему снайпер комсомольский билет прострелил на Финнском фронте. Об этом все газеты писали в то время. Он младшим был в семье. Все его Шурой звали. Так и остался Шурой навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.